

Симон Соловейчик

Быть или казаться?

Москва
«Первое сентября»
2017

Кого уважают и любят люди? Мать говорит о сыне: «Мой на хороший работе» и обязательно прибавит: «Его там уважают». Любят людей самые точные признаки высших качеств человека. Силой или хитростью любви не добиться. Когда мама тревожится за сына, просит совета, то сначала спрашивает: «А товарищи его любят? Учителя — любят?»

«В общем, да» — не тревожится, говорит, за мальчика, значит, с ним все в порядке. И наоборот: у школьника невероятные успехи, он отличник, чемпион, лауреат, а товарищи его недолюбливают. Будем надеяться, что-то не так с мальчиком! Был бы дети — нелюди, очень застенчивые или очень требовательные в дружбе — они живут без друзей и страдают от этого. И все равно эти отношения хороши, если не ходят с ними в обиду. Не часом друзей измечает любовь к мальчику или девочке, и не успешны они определяются, а чем-то другим. Чем же?

...Наш маленький подросток и впервые выходит во двор, «я люди (или мы) отдели его в ясли, или в детский сад — все равно). И сразу вместо привычной домашней морали «ислушай — исполняй», «хороший — плохой» он попадает под действие нового для него морального кодекса, выраженного... в детских драматизмах. Забавные, насмешливые, озорные, они меняются со временем, но с ними всегда один и тот же.

Дома ребенку лучше, уютнее, здесь, во дворе, денно и нощно, иначе — «жидина-овидина!» Дома радуются, что ребенок хорошо ест и быстро поправляется, а здесь — «тонкий, жирный, поедает пассажирский». Дома, когда зима, утешают, а здесь — «плыви, вака, гутта», на носу горячий блин! Дома кушают, боятся простудить, а здесь, если появились одетые не по сезону, сразу — «зима — лето попухай!» Дома говорят: «Дружись с этой девочкой, она такая хорошая», а во дворе за эту дружбу еще и «тиши-тиши-тестом» сквятишь. Всегда найдется, за что драгнить, но хотя бы за то, что тебя зовут Колей: «Коля, Коля, Николай, сядь дома, дружи!» Нет готовой драматизмы — придумают!

Но, заметим, самые маленькие дети не драгнят друг друга за слабость и трусость — пока еще быть слабым не зазорно, пока еще все слабее! Да и озорные не всегда рождаются, потому что непонятно, мама или кто-то из взрослых, а драки могут дети спрыгивать дома, отходить от этой суровой жизни. А потому — горе мальчику, если его и дома встречают бражкой и насмешками, и упрямцы за грязное пальто или мокрые ноги! Он не выдерживает двойной оспы, ожесточается. Дом для ребенка должен быть местом, где можно отсидеться. Даже в играх дети устраивают «команды», «взрослые» «маленькие» — им нужно, по-моему, отделиться от беганья, а от действий неуловимых и чересчур тяжелых для детской души правил. У детей еще мало нервных сил, и первый моральный кодекс они принимают как предостережение — необходимый дозвон. Поэтому детям нужна строгость двора, но нужна и домашняя поза.

С возрастом, когда начальная школа морали («не жадничай», «не лезь чужое», «д) проведи, второй кодекс уже становится, расширяется. Наказанием теперь служит не безобидная драматизма, а кличка, презрительное слово, прозвище: «наплеватель», «слабак», «тихоня», «трус», «ворюга» — кодекс приближается к взрослому. Трехлетний взял Воину ведром, семилетний украл Воину пистолет. И тут-то на первый план выходит главное требование к человеку, маленькому или взрослому. О том, что оно главное, можно судить по огромному количеству и разнообразию устойчивых сочетаний на одну тему, с одним и тем же значением — из, наоборот, в десять раз больше, чем всех других драматизмов и прозвищ, вместе взятых.

Сперва, при переходе из начальной школы морали в среднюю, это еще по-прежнему драматизм: «Ворюга, хитрец, поджигатель». А потом — «не задирайся, не зазнавайся», «не заносись», «не выставляйся», «не форси», «не выпендривайся», «не ставь из себя», «не кори из себя» до относительно нового — «не возмужай!» Это требование «не ставь из себя», если перевести его в положительную форму, означает: будь таким, какой ты есть! Не стройся, казаться лучше, сильнее, умнее! Будь самим собой!

А, от основания мира и до наших дней любят и уважают только тех, кто умеет быть естественным. Умеет быть умным, сильным, храбрым, добрым, лучшим в играх и в труде — именно быть, а не казаться — таким! И всегда, сколько мир стоял, люди презирали тех, кто претендует на что-то, кто несет в самом себе неправду. Будь человеком, а

не выгляди как человек, не подделывайся под человека, не лги, не обманывай. Именно за второе требование любят маленьких детей, и естественная педагогика

Дети особенно чутки к правде, у них меньше, чем у взрослых, нужды в неправде мириться, и они наказывают, гонят, презирают и обходятся с кем, кто пыжится «кажется из себя». Они вовсе не завистливы, они умеют гордиться своим товарищем — отличником, чемпионом и азуром, они обождают его — при одном условии: если это действительно отличный и чемпион. Всякий избыток похвалы или славы над действительной ценностью человека обожается, как и у взрослых, насмешкой над ним. Вашего ребенка обожает товарищ? Положите перед ним чашку с водой, пусть выпьет. Если ребенок не выпьет, значит, он не гордится им, не гордится тем, чем гордится не стоит, считает себя чуть лучше кого-то, хоть он и не лучше, он называет себя сильным, не будучи таковым, или умным, хотя нет у него способностей. А дети признают только правду! Его и бу-

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

СИМОН СОЛОВЕЙЧИК

дуг обижать, вашего сына, и никто не защитит его, и вовсе не злы его сверстники, а это мы сами виноваты в его бедах — это мы побуждали его казаться лучше, чем он есть.

Родители учат детей «давать сдачи», говорят: «Умел постоять за себя», записывают наказы в книжечку. Но на самом деле всегда найдется и посильнее, на хитрее в драках — и победнее, на умнее — и поумнее, на самобытнее — каратист... Никто в этом мире не защищен, кроме отбывшего человека, который есть то, что он есть! Кто же, пусть он не всегда ведет себя активно — это зависит от темперамента! Но он несет в себе правду, он сам есть правда, и его никогда не обидят.

В классе, где и учился, был мальчик Володя, болезненный и по болезни оставшийся во второй год, молчаливый, мучительно плохо отвечающий у доски. Но была в нем такая открытость, что даже в нашем безумном мальчишеском классе в одной паре, где никто не мог чувствовать себя защищенным, где времени творилось невероятное и не знали жалости, обидеть его было невозможно! Думая, только то воспитание прочно, которое приучает ребенка быть самим собой: только тот человек стоит

на ногах, который не боится быть самим собой. У него лучшая защита — внутренняя цельность и любовь людей.

СЕРЕДИНЫ прошлого века, когда появились изумительные статьи замечательного миротворца и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», «Быть и казаться», проблема естественности постоянно занимает умы воспитателей и публицистов. Заголовок «Быть или казаться» то и дело встречается в современных газетах, и, думаю, никогда не станет он старомодным. Наоборот, со временем проблема обострится, и сегодня, пожалуй, нет книги, герой которой не был бы занят мучительным поиском самого себя — потому что в детстве его приучали казаться, и он так привык к этому, что теперь и сам не может докопаться до своего «я». И все тоскует по естественности, по естественности.

Вырастить цельного человека трудно. Для этого нам приходится полностью искоренять из воспитания страх и принуждение, потому что всякое принуждение — это принуждение казаться: мы заставляем ребенка делать нечто такое, что не отвечает его сущности, иначе его не пришлось бы принуждать. Мальчишеского ребенка не требуется заставлять сидеть за письменным — он сидит по восемь часов в день и при этом не устает. И не надо принуждать к рисованию девочку-художницу, и не приходится заставлять убирать квартиру девочку-аккуратистку.

Быть цельным человеком — значит, не иметь страха перед людьми, перед их

мнением, перед возможными укоризнами, насмешками и драматизмами. Не бояться выглядеть глупым, слабым, отстающим, подчиненным, не бояться быть хуже всех! Это трудно, потому что условия советского общества: дружка-то детей приучают порой казаться, выглядеть... Наш ребенок, если мы приучим его к бесстрашию, возможно, будет выглядеть хуже всех. Выдержит ли он? А главное, выдержит ли он? Какие-то годы, особенно в школе, наш мальчик будет словно третий сын в сказках, словно Иванушка-дурачок: никаких претензий, и вроде все неплохо идет, и рад ним смеются, а он всех жалеет, помогает, и ничего для себя не надо — не гаупт ли?

Но как в сказках Иванушка-дурачок всех побеждает и женится на царской дочери, так и в обычной жизни наш мальчик, который все время отстаивал, у которого все время были приложения, который и учился-то хуже всех, и речью развитой не обладал, и талантами не блистал, неужели бы, неистеса — именно этот мальчик рано или поздно станет замечательным человеком, и все его любят, и все говорят: «Лоджжж ты!» Для воспитания цельного человека нуж-

но не бояться детских успехов и славы, но не стремиться выигрывать любой ценой и любой ценой. Вот для труднее всего! Косится совет, брат! И шло, да и страшно: в одну так и останется невеждой и невеждой! И когда-нибудь ты сам-то видишь, что в доме растет хороший мальчик, ты чувствуешь это, ты любишь его... А уж очень велик порой напор со стороны! Отчего он у вас вырастет? Скажите, каковы? Как? Он у вас не читает книги? Двойки получает?

Спор нет, хорошо-растет! Без принуждения детей, которые сами по себе отличники; а если вот такой — двойки да прогулы! И нередко отлетают от нас благие наши намерения, доплещется злое, и превращается мы в подобие бабника, которая поседает детей, а, когда мы не давала, с утра по телефону читала и чуть в обморок падала, когда Тихон, ее сын, робко спросил: а зачем же мне бояться. Как зачем бояться? Как зачем бояться? Да ты рожусь, что ли? И вырастает в какой-то слабый подобие Варвары, у которой все шито да крыто, с той или иной, что, поскольку мы характером Кабанихи не обладаем, то дети наши не умеют ни быть, ни даже казаться — они просто невоспитаны!

ВСЕ ДЕТИ видят перед собой не только хорошие примеры, но и дурные следования, у всех могут поиться и дурные желания. Традиционные воспитание зорко следит за такими желаниями и подавляет их, приучает ребенка к

самому подавлять их: человека, умеющего подавлять свои дурные желания, и называем воспитанным. По-моему, это и верно. Дурные желания все равно будут, но подавить их. Если же у ребенка телодвижения, если он не знал в своем доме принуждения, не испытывал страха, не боялся, то у него и не появится дурных желаний, и ничего ему подавить. По-моему, все или почти все дурные желания мы культивируем сами — это не тем, что с рождения у них робко казаться немилым, когда он еще не пытается благодарности, учить сдержанности, когда у него еще нет ни воли, ни понимания обстоятельств, и требует нас с собой, которые ему не по силам. И еще гордится, когда подобное воспитание идет успешно!

К тому же ведь не мы одни, дорогие родители, учим казаться! Тот же двор с его драматизмами заставляет ребенка: «Будь, как все, будь, как все, будь, как все!» Если мальчик не получает поддержки дома, где же, скажите, и возмещать, чтобы противостоять этому требованию?

Нет, мы не ставим внушать ему, что он хуже других, или лучше всех. Мы постараемся просто растить ребенка крепким, окружать теплом. Его учат добру — и он становится добрым, а честности, что добром, простотой, естественностью и справедливостью он все победит и от всего защитится.

Одна из самых тяжелых проблем воспитания — «дурная компания». Конечно, эта проблема решается только в системе воспитания цельного человека. Мальчик, не знающий страха, скрывающийся с родителями, умеет противостоять любой дурной компании, да и те, что родители и не знают об этом, не могут, не успевают развиться. И наоборот, мальчик, которого приучили казаться, обязательно отыщет себе дурную компанию и дурных товарищей. Но этого курса науки «шито-крыто» не все прошло, прятаться, как Варвара, не умеет, родители смотрят зорко, мальчик не падает то на курение, то еще на что-то, и называется: «Помогите! Секрет!» Сын связался с уличными мальчишками, но так же про нашего сына говорят.

Если мы научили сына казаться, то никогда не можем быть спокойны за него. Каким бы благополучным он ни казался, все равно рано или поздно он может предпринять или сорваться, да тогда же за голову сквятишь: «Мой мальчик! Никогда не поверю! Он такой тихий, такой вежливый! Он мушкетер обманчивый! Вот и выбирай! Учить ребенка казаться — плохо. Учить быть — трудно и страшно... Что нам больше по душе?

Мне — второе!

Фото И. Константинов

Статья Симона Соловейчика «Быть или казаться?» впервые была опубликована в 1983 году в газете «Неделя» (№ 7, 14–20 февраля)

© Издательский дом «Первое сентября», 2017 г.

Кого уважают и любят люди? Мать говорит о сыне: «Мой на хорошей работе» и обязательно прибавит: «Его там уважают». Любовь людей – самый точный признак высоких качеств человека. Силой или хитростью любви не добьешься. Когда мама тревожится за сына, просит совета, то сначала спрашиваешь ее: «А товарищи его любят? Учителя – любят?» – «В общем, да». – «Не тревожьтесь, говорим, за мальчика, значит, с ним все в порядке». И наоборот: у школьника невероятные успехи, он отличник, чемпион, лауреат, а товарищи его недолюбливают. Будем настороже: что-то не так с мальчиком! Бывают дети – нелюдими, очень застенчивые или очень требовательные в дружбе – они живут без друзей и страдают от этого. И все равно к ним относятся хорошо, хоть и не ходят с ними в обнимку. Не числом друзей измеряется любовь к мальчику или девочке, и не успехами она определяется, а чем-то другим. Чем же?

...Наш маленький подросток и впервые выходит во двор, «в люди» (или мы отдали его в ясли, или в детский сад – все равно). И сразу вместо привычной домашней морали «послушный – непослушный», «хороший – плохой» он попадает под действие нового для него морального кодекса, выраженного... в детских дразнилках. Забавные, насмешливые, озорные, они меняются со временем, но смысл их всегда один и тот же.

Дома ребенку лучший кусок, а здесь, во дворе, делись со всеми, иначе – «жадина-говядина!» Дома радуются, что ребенок хорошо ест и быстро поправляется, а здесь – «толстый, жирный, поезд пассажирный!». Дома, когда заплакал, утешают, а здесь – «плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин!» Дома кутают, боятся простудить, а здесь, если появишься одетым не по сезону, сразу – «зима – лето попугай!» Дома говорят: «Дружи с этой девочкой, она такая хорошая», а во дворе за эту дружбу еще и «тили-тили-тесто» схватишь. Всегда найдется, за что дразнить, ну хотя бы за то, что тебя зовут Колей: «Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй». Нет готовой дразнилки – придумают!

Но, заметим, самые маленькие дети не дразнят друг друга за слабость и трусость – пока еще быть слабым не зазорно, пока еще все слабые! Да и споры не драками решаются, потому что неподалеку мама или кто-то из взрослых, и всегда могут дети спрятаться дома, отдохнуть от этой суровой жизни. А потому – горе мальчику, если его и дома встречают бранью и насмешками, упреками за грязное пальто или мокрые ноги! Он не выдерживает двойной осады, ожесточается. Дом для ребенка должен быть местом, где можно отсидеться. Даже в играх дети устраивают «домики» и всевозможные «чур-чура» – им нужен, по-моему, отдых не от беганья, а от действия неумолимых и чересчур тяжелых для детской души правил. У детей еще мало нервных сил, и первый моральный кодекс они принимают как лекарство – небольшими дозами. Поэтому детям нужна строгость двора, но нужна и домашняя пощада.

С возрастом, когда начальная школа морали («не жадничай», «не плачь» и т. д.) пройдена, дворовый кодекс ужесточается, расширяется. Наказанием теперь служит не безобидная дразнилка, а кличка, презрительное словцо, прозвище: «маменькин сынок», «ябеда», «бессовестная», «слабак», «тихоня», «трус», «ворюга» – кодекс приближается к взрослому. Трехлетний взял Вовино ведерко, семилетний украл Вовин пистолет.

И тут-то на первый план выходит главное требование к человеку, маленькому или взрослому. О том, что оно главное, можно судить по огромному количеству и разнообразию устойчивых сочетаний, на одну тему, с одним и тем же значением – их, наверное, в десять раз больше, чем всех других дразнилок и прозвищ, вместе взятых.

Сперва, при переходе из начальной школы морали в среднюю, это еще по-прежнему дразнилка: «Воображала, хвост поджала!» А потом – «не задавайся», «не зазнавайся», «не заносись», «не выставляйся», «не форси», «не выпендривайся», «не ставь из себя», «не корчи из себя» до относительно нового – «не возникай!» Это требование «не ставь из себя», если перевести его в положительную форму, означает: будь таким, какой ты есть! Не старайся казаться лучше, сильнее, умнее! Будь самим собой!

Да, от основания мира и до наших дней любят и уважают только тех, кто умеет быть естественным. Умеет быть умным, сильным, храбрым, добрым, лучшим в играх и в труде – именно быть, а не казаться таким! И всегда, сколько мир стоял, люди презирали тех, кто претендует на что-то, кто несет в самом себе неправду. Будь человеком, а не выгляди как человек, не подделывайся под человека, не притворяйся человеком! Именно за полное непритворство любят маленьких детей, и «устаи младенца глаголет истина».

Дети особенно чутки на правду, у них меньше, чем у взрослых, нужды с неправдой мириться, и они наказывают, гонят, презирают и обижают всякого, кто пытается «ставить из себя». Они вовсе не завистливы, они умеют гордиться своим товарищем – отличником, чемпионом и лауреатом, они обожают его – при одном условии: если это действительно отличник и чемпион. Всякий избыток похвалы или славы над действительной ценой человека оборачивается, как и у взрослых, насмешкой над ним. Ва-

Симон Соловейчик

«Непрописные истины воспитания»

Здесь можно купить печатную версию книги:
<https://book24.ru/product/nepropisnye-istiny-vospitaniya-1389796/>

А здесь – электронную версию:
<https://www.litres.ru/simon-soloveyichik/nepropisnye-istiny-vospitaniya-izbrannye-statii/>

Посмотреть же трансляции видеоконференций по книге «Непрописные истины воспитания» (ведущий: Артём Симонович Соловейчик) удобно здесь:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PLGhdhjnY0W-OTuZJIXI8qXF5TrtgXeuPt>

шего ребенка обижают товарищи? Подождите негодовать! Почти наверняка ваш ребенок, незаметно для себя, своим отношением к товарищам обижает их! Он чуть-чуть гордится тем, чем гордиться не стоит, считает себя чуть лучше кого-то, хоть он и не лучше, он называет себя сильным, не будучи таковым, или умным, хотя нет у него способностей. А дети признают только правду! Его и будут обижать, вашего сына, и никто не защитит его, и вовсе не злы его сверстники, а это мы сами виноваты в его бедах – это мы побуждали его казаться лучше, чем он есть.

Родители учат детей «давать сдачи», говорят: «Умей постоять за себя», записывают младенцев в секции самбо. Но на сильного всегда найдется и посильнее, на храброго в драках – и похрабрее, на умного – и поумнее, на самбиста – каратист... Никто в этом мире не защищен, кроме открытого человека, который есть то, что он есть! Что ж, пусть он не всегда ведет себя активно – это зависит от темперамента! Но он несет в себе правду, он сам и есть правда, и его никогда не обидят.

В классе, где я учился, был мальчик Володя, болезненный и по болезни оставшийся на второй год, молчаливый, мучительно плохо отвечающий у доски. Но была в нем такая открытость, что даже в нашем безумном мальчишечьем классе военной поры, где никто не мог чувствовать себя защищенным, где временами творилось невообразимое и не знали жалости, – только Володю ни разу не обидели. Обидеть его было невозможно!

Думаю, только то воспитание прочно, которое приучает ребенка быть самим собой: только тот человек прочно стоит на ногах, который не боится быть самим собой. У него лучшая защита – внутренняя цельность и любовь людей.

С середины прошлого века, когда появились нашумевшие статьи замечательного хирурга и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», «Быть и казаться», проблема неестественности постоянно занимает умы воспитателей и публицистов. Заголовок «Быть или казаться» то и дело встречается в сегодняшних газетах, и, думаю, никогда не станет он старомодным. Наоборот, со временем проблема обостряется, и сегодня, пожалуй, нет книги, герой которой не был бы занят мучительным поиском самого себя – потому что в детстве его приучали казаться, и он так привык к этому, что теперь и сам не может докопаться до своего «я». И все тоскуют по цельности, по естественности.

Вырастить цельного человека трудно. Для этого нам приходится полностью исключить из воспитания страх и принуждение, потому что всякое принуждение – это принуждение казаться: мы заставляем ребенка делать нечто такое, что не отвечает его сущности, иначе его не пришлось бы принуждать. Мальчика-радиолюбителя не требуется заставлять сидеть за приемником – он сидит по восемь часов в день и при этом не устает. И не надо принуждать к рисованию девочку-художницу, и не приходится заставлять убирать квартиру девочку-аккуратистку...

Быть цельным человеком – значит, не иметь страха перед людьми, перед их мнением, перед возможными укорами, насмешками и дразнилками. Не бояться выглядеть глупым, слабым, отстающим, подчиненным, не бояться быть хуже всех! Это трудно, потому что условия соревнования неравные: других-то детей приучают порой казаться, выглядеть... Наш

ребенок, если мы приучим его к бесхитростности, возможно, будет выглядеть хуже всех. Выдержит ли он? А главное, выдержим ли мы? Какие-то годы, особенно в школе, наш мальчик будет словно третий сын в сказках, словно Иванушка-дурачок: никаких претензий, и вроде все невпопад делает, и над ним смеются, а он всех жалеет, помогает, и ничего для себя не надо – не глуп ли?

Но как в сказках Иванушка-дурачок всех побеждает и женится на царской дочери, так и в обычной жизни наш мальчик, который все время отставал, у которого все время были приключения, который и учился-то хуже всех, и речью развитой не обладал, и талантами не блистал, неуклюж был, неотесан – именно этот мальчик рано или поздно станет замечательным человеком, и все его любят, и все говорят: «Поди ж ты!»

Для воспитания цельного человека нужно не бояться детских неудач и самому не стремиться выглядеть папой-отличником и мамой-хорошисткой. Вот что труднее всего! Косятся соседи, бранят в школе, да и страшновато: а вдруг так и останется невеждой и невежей? И похвастаться нечем! Ты сам-то видишь, что в доме растет хороший мальчик, ты чувствуешь это, ты любишь его – да уж очень велик порой напор со стороны: «Отчего он у вас «здрасьте» сказать забывает? Как?! Он у вас не читает книг? Двойки получает?!»

Спору нет, хорошо растить без принуждения детей, которые сами по себе отличники; а если вот такой – двойки да прогулы? И нередко отлетают от нас благие наши намерения, ломается терпение, и превращаемся мы в подобие Кабанихи, которая поедом детей ела, прохода им не давала, с утра до вечера нотации читала и чуть в обморок не упала, когда Тихон, ее сын, робко спросил, а зачем жене мужа бояться. Как зачем бояться? Как зачем бояться? Да ты рехнулся, что ли? И вырастает в нашем доме слабое подобие Варвары, у которой все шито да крыто, с той лишь разницей, что, поскольку мы характером Кабанихи не обладаем, то дети наши не умеют ни быть, ни даже казаться – они просто невоспитанны!

Все дети видят перед собой не только хорошие примеры, но и дурные; следовательно, у всех могут появиться и дурные желания. Традиционное воспитание зорко следит за такими желаниями и подавляет их, приучает ребенка и самому подавлять их; человека, умеющего подавлять свои дурные желания, называют воспитанным. По-моему, это неверно. Дурные желания все равно когда-нибудь да проявятся. Если же у ребенка теплый дом, если он не знал в своем доме принуждения, не испытал страха и ненависти, то у него и не появятся дурные желания, и нечего ему подавлять! По-моему, все или почти все дурные наклонности мы культивируем сами – именно тем, что с рождения учим ребенка казаться вежливым, когда он еще не испытывает благодарности, учим сдерживаться, когда у него еще нет ни воли, ни понимания обстоятельств, и требуем массы вещей, которые ему не по силам, да еще гордимся, когда подобное воспитание идет успешно!

К тому же ведь не мы одни, зловерные родители, учим казаться! Тот же двор с его дразнилками заставляет ребенка: «Будь, как все, будь, как все, будь, как все!» Если мальчик не получает поддержки дома, где же, скажите, он возьмет силы, чтобы противостоять этому требованию?

Нет, мы не станем внушать ему «не будь, как все» и тем более уверять его, что он лучше других или лучше всех. Мы постараемся просто растить ребенка без страха, окружать теплом. Его учат добру – и он становится добрым, и начинаю понимать, что добром, простотой, естественностью и справедливостью он все победит и от всего защитится.

Одна из самых тяжелых проблем воспитания – «дурная компания». Кардинально эта проблема решается только в системе воспитания цельного человека. Мальчик, не знающий страха, связанный душой с родителями, умеет противостоять любому дурному влиянию, да так, что родители и не узнают об этом влиянии, не успевают разволноваться. И наоборот, мальчик, которого приучили казаться, обязательно отыщет себе дурную компанию и дурных товарищей. Но полного курса науки «шито-крыто» он еще не прошел, прятаться, как Варвара, не умеет, родители смотрят зорко, мальчик попадает то на курении, то еще на чем-то, и начинается: «Помогите! Спасите! Сын связался с уличными мальчишками!» А родители этих уличных мальчишек точно так же про нашего сына говорят.

Если мы научили сына казаться, то никогда не можем быть спокойны за него. Каким бы благополучным он ни выглядел, все равно рано или поздно может преподнести нам сюрприз, да такой, что за голову схватимся: «Мой мальчик?! Никогда не поверю! Он такой тихий! Такой вежливый! Он мухи не обидит!»

Вот и выбирай. Учить ребенка казаться – плохо. Учить быть – трудно и страшно... Что вам больше по душе?

Мне – второе!